

III. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 930-051

В.И. Турнаев

Г.-Ф. МИЛЛЕР И КОРПОРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ГОДЫ РЕАКЦИИ

Рассказывается о видном участнике корпоративного движения в Петербургской Академии наук первой половины XVIII в. – Герарде-Фридрихе Миллере. Оценивая судьбу учёного как едва ли не самую сложную, самую противоречивую и самую драматичную в истории русско-немецких научных связей, автор показывает на его примере, каким превратностям подчас подвергались западноевропейские учёные, отправлявшиеся в XVIII в. в Россию. Миллер вписал, по мнению автора статьи, яркую страницу в гражданскую историю России. Описывается история преследований академическими властями одного из лидеров демократического движения в Петербургской Академии наук.

Ключевые слова: Петербургская Академия наук, корпоративное движение учёных, демократическое движение, бюрократия, Герард-Фридрих Миллер.

О Герарде-Фридрихе Миллере, 300-летие со дня рождения которого недавно было широко отмечено, написано немало. Мне хотелось бы остановиться на тех моментах биографии учёного, которые характеризуют его как участника корпоративного движения в Петербургской Академии наук, как человека, вписавшего яркую страницу в гражданскую историю России [1]. Судьба Г.-Ф. Миллера едва ли не самая сложная, самая противоречивая и самая драматичная в истории русско-немецких научных связей. Миллер, сын ректора гимназии небольшого вестфальского городка Герфорд, приехал в Россию с честолюбивым желанием сделать карьеру [2. Т. 6. С. 63–64; 3. С. 308–430; 4. С. 20–46; 5; 6. С. 54–70]. Адъюнктом без определённых занятий (формально он числился адъюнктом по классу истории), затем (с июля 1730 г.) профессор, он долго не расставался с мечтой и на этой почве даже сблизился с И.-Д. Шумахером – директором академической Канцелярии [7. С. 116–117; 1. С. 66–68]. Однако научные интересы возобладали. Дружба с Шумахером переросла во вражду, и, спасаясь от гнева патрона, учёный отправился в экспедицию по Сибири (как потом оказалось, – почти на десять лет). «Никогда потом, – признавался впоследствии Миллер, – не имел я повода раскаиваться в моей решимости... Скорее, я видел в том как бы предопределение, потому что благодаря этому путешествию впервые сделался по-настоящему полезным Российскому государству, и без этих странствий мне было бы трудно добыть приобретённые мною знания» [2. Т. 6. С. 271].

По возвращении из Сибири – это случилось 14 февраля 1743 г. – Миллер нашёл в Академии иную обстановку, нежели та, которую оставил. С

приходом к власти Елизаветы многое в ней переменялось – позиции иностранцев были подорваны. Шумахер был отстранён от руководства Академией и угодил под следствие. Власть перешла к русской партии. Учёный сразу оказался в гуще событий. Как и большинство иностранцев, Миллер вступился за Шумахера, предав старые обиды забвению, и много сделал для его реабилитации. Однако, подобно другим учёным, он обманулся. Шеф академической Канцелярии не оценил его усилий. Из ревностнейшего защитника, каким он показал себя в деле освобождения Шумахера из-под стражи, учёный (вторично!) становится его заклятым врагом и активнейшим образом включается в движение, направленное против академической бюрократии. Считая себя, подобно И.-Г. Гмелину, лично обиженным (он не получил не только обещанного двойного жалованья за Камчатскую экспедицию, но и оказался в неприятном положении обманутого), Миллер, по свидетельству М.В. Ломоносова, задолго до начала движения показал себя непримиримым антагонистом Шумахера [8. С. 279]. Когда же борьба с «шумахерщиной» вступила в решающую стадию, Миллер принял на себя роль одного из её лидеров. Он не только подписал все заявления в Сенат, но и непосредственно участвовал в их составлении, редактировании и даже доставке. Кроме того, именно Миллер осуществлял перевод названных документов на русский язык. Л. Эйлер в письме к Шумахеру от 26 августа 1747 г. прямо указывал на учёного как на одного из вождей движения. Гмелин, писал он, умно сделает, если «впредь оставит союз с профессором Миллером и во всём послушен будет академическим учреждениям» [2. Т. 8. С. 501; 9. С. 101]. Учёный, действительно, являлся

одним из главных организаторов войны против Канцелярии.

О негативном отношении Миллера к академическим властям и его роли в событиях последнего времени шефу академической Канцелярии (выполнявшему миссию усмирителя вышедших из повиновения профессоров) было известно. Поэтому сразу после возвращения к руководству (это случилось с приходом в Академию К.Г. Разумовского) он стал искать повод расправиться с учёным. В августе 1746 г. Шумахер (с согласия Разумовского) отклонил план Миллера по изучению общей русской истории и заставил его заниматься далёкой от его интересов историей Сибири [2. Т. 8. С. 183–194, 212–213]. 19 февраля следующего года учёному вторично было указано, чтобы он поторопился с окончанием сибирской истории [2. Т. 8. С. 384–385]. Наконец, осенью того же, 1747-го, года был поднят вопрос о новом контракте для Миллера.

Каково было содержание составленного Канцелярией документа, неизвестно, скорее всего, оно повторяло то, которое было озвучено Канцелярией позднее — 10 ноября. [2. Т. 8. С. 595–596]. Известно лишь, что учёный «предложенный ему контракт принять отказался» [2. Т. 8. С. 582]. Тогда в ход был пущен беспроектный приём — политика кнута и пряника. 1 ноября учёному было приказано оставить все дела и приводить в порядок материалы Камчатской экспедиции «без отговорок и дальнейшего промедления» (в оригинале: «представления»). Вероятно, ошибка переводчика). Вместе с тем было обещано вознаграждение за участие в экспедиции и новый выгодный контракт [2. Т. 8. С. 582]. Казалось, власти пошли на компромисс. Однако это было не так. Менее чем через год произошли события, поставившие под сомнение искренность намерений академической администрации и заставившие думать об обратном. Академическое руководство попыталось расправиться с Миллером, воспользовавшись делом о переписке с Ж.-Н. Делилем — лидером движения 1745–1747 гг., изгнанным из страны и объявленным вне закона.

25 июня 1748 г. академической администрацией было издано распоряжение, строжайше запрещающее профессорам и академическим служащим сообщать кому бы то ни было за границу «об академических обстоятельствах и ...делах, касающихся до наук или художеств». «А особливо всем и каждому повелевается, — подчёркивалось в циркуляре, — чтобы с Иосифом Делилем, бывшим профессором, для некоторых причин и его нечестных поступок, никакого сообщения и переписки не

иметь, ниже ему или его сообщникам ни прямо, ни посторонним образом ничего о академических делах ни под каким видом не сообщать. Напротив того, ежели у кого имеются его, Делиля, какие письма, чертежи, ландкарты и прочее, то б оное всё принести немедленно в Канцелярию, под штрафом за неисполнение. А хотя у кого и ничего нет, однако б от всех поданы были о том в Канцелярию репорты или подписки своеручные...» [10. Л. 31–31 об.; 2. Т. 9. С. 273–274]. Выполняя распоряжение, Миллер, подобно другим профессорам, подал в Канцелярию соответствующую «подписку», в которой неосторожно сообщил, что имел переписку с Делилем — получил от него два письма и ответил на них [8. С. 634–635]. Признание дало повод для организации специального расследования, продолжавшегося всю осень и едва не стоившего учёному карьеры.

Миллер пережил несколько моментов самой серьёзной опасности. Первый был связан с допросом, учинённым ему в Канцелярии в присутствии членов специально учреждённой по этому поводу следственной комиссии. В руки академической Канцелярии каким-то образом попала копия одного из писем Делиля, адресованного Миллеру, в котором речь шла о тайном сговоре учёных относительно какого-то совместного предприятия (члены следственной комиссии пришли к выводу, что это была договорённость о совместной публикации против академической администрации) [8. С. 635]. В «подписке», которую Миллер наряду с другими профессорами представил в Канцелярию, факт наличия у него писем Делиля был скрыт. «Если учесть ходившие в городе слухи о шпионской деятельности Делиля..., — пишут комментаторы десятого тома полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, — и если принять во внимание, что 1748 год был годом разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией, то станет понятна та тревога, которую возбудил ...эпизод» [8. С. 635].

18 октября 1748 г. в заседании комиссии решено было допросить Миллера [8. С. 635]. На другой день, 19 октября, профессора «спрашивали». Миллер не знал о том, что у членов комиссии имеется копия письма Делиля, и поначалу держался уверенно. Но, когда обстоятельства дела открылись, «тогда он, Миллер, — свидетельствовали члены комиссии, — пришёл в немалое изумление и показал всеми своими минами великую в себе перемену, и просил времени, чтобы на то ответить, причём он Делиля бранил и говорил, что не знает он, Миллер, никакого предприятия, в котором бы он с ним согласился» [8. С. 179–180]. «Ответы и представления» учёного были признаны,

однако, «за недовольные», и он «остался подозрителен» [8. С. 173–174, 180].

Второй момент был связан с обыском, производившимся на квартире у Миллера по распоряжению академической Канцелярии. Поскольку учёный «оставил себя ...в крайнем подозрении» [8. С. 173], в том же заседании следственной комиссии было решено произвести упомянутый обыск. «Те письма, о которых он в ответе показал, что имеются у него, – говорилось в «определении», – без остатку взять в Канцелярию, да и, кроме тех, все в доме его какие бы ни были письма на русском и иностранных языках, и рукописные книги, тетради и свертки, осмотря во всех его каморах, сундуках, ящиках и кабинетах, по тому ж взять в Канцелярию, которые запечатать канцелярскою печатью» [8. С. 174]. «Ехать» на квартиру к учёному приказано было его вчерашним соратникам по борьбе с академической бюрократией – профессорам В. К. Тредиаковскому и М. В. Ломоносову (которых должен был сопровождать секретарь Канцелярии Пётр Ханин) [8. С. 174]. Судя по дате «репорта», представленного членами комиссии на другой день, то есть 20 октября [8. С. 175], обыск производился в тот же день, когда было принято соответствующее канцелярское «определение» – 19 октября. Учёному, таким образом, не дали опомниться. «...Обыск на квартире у Миллера, – замечают комментаторы упомянутого тома собрания сочинений М. В. Ломоносова, – затянулся до позднего вечера, а то и до ночи» [8. С. 636]. Изъятые материалы («два большие сундука и один кулёк» [8. С. 175]) были доставлены в Канцелярию. Началось расследование.

Опасаясь, видимо, что могут открыться новые свидетельствующие против него факты, учёный 21 октября направил в Канцелярию «оправдательное представление», которым пытался направить преследователей по ложному следу. Делиль, заявил он, «за вышепомянутое согласие то, может быть, почитает, что он говорил ему, Миллеру, о предприятии, которое он, Делиль, имел [в виду], чтобы, приехав во Францию, писать к некоторым здешним министрам о Академии пространно, как оною управлять должно...» [8. С. 180]. Учёный, следовательно, сам признался в том, что дело касалось событий 1745–1747 гг. Члены следственной комиссии пришли к заключению, что из представленных Миллером «многих резонов» «ни один оправдать его не может»; напротив, «только то весьма из них явствует, что он ...помянутое письмо нарочно утаил или истребил и имел крайнее старание, чтобы Академии президент или Канцелярия о том не сведения» [8. С. 180–181].

Через неделю было окончено изучение объяснительных писем Миллера к асессору Г. Н. Теплому, которые учёный стал посылать последнему после начала следствия. Вывод комиссии вновь оказался неутешительным. Профессор, заключила она, «подал великую причину о себе думать, что его договор и предприятие с Делилем были не о том, чтобы оставить у него, Миллера, некоторые письма, как он объявлял в первом присутствии, ниже о том, чтоб Делиль писал из Франции о правлении Академии к здешним министрам, как он же, Миллер, показал во втором присутствии, но что договор их был о том, чтобы публиковать вне государства чести академической предосудительные сочинения» [8. С. 181]. Ситуация становилась безвыходной. Оправдаться не удавалось. Ответы и объяснения учёного только усиливали подозрения. 28 октября от Миллера потребовали «краткой и самой точной, истинной сказки» на русском языке [8. С. 176, 181]. Учёный подчинился, «сказку» представил, но вину признать вновь отказался [8. С. 177, 637]. Тогда Канцелярия запросила «письменные мнения» членов комиссии, в которую, помимо Шумахера и Теплового, входили профессора Я. Штелин, Х.-Н. Винсгейм, Ф.-Г. Штрубе де Пирмонт, В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов [8. С. 176, 637]. Выводы комиссии, представленные в итоговом документе, свидетельствовали против учёного и открывали новые подробности его участия в движении 1745–1747 гг.

То, что Миллер «был друг или по последней мере согласник Делиля», как установили члены следственной комиссии, не было новостью. Не только Миллер, но и действовавшие теперь против него профессора Ломоносов, Тредиаковский, Винсгейм и Штелин совсем недавно подписывали вместе с Делилем совместные заявления в Сенат, в которых выражали недовольство академическими властями. Однако с тех пор четверо бывших участников движения (ставших теперь членами следственной комиссии) смирились с поражением и стали пособниками своих врагов. Миллер же, боровшийся с демократически настроенными профессорами в далёкие 1720–1730-е гг. на стороне Шумахера, защищал идеалы движения (теперь уже на стороне Делиля) тогда, когда оно потерпело поражение! Солидарность с Делилем, свидетельствовали авторы документа, «предпочёл он чести всей Академии» [8. С. 182].

«...Они были побеждены одною страстию, – говорилось в итоговом документе по делу Миллера, – то есть не были никогда довольны академическим правлением и желали всегда быть сами командирами, и для того имели всегдашние ссоры

с президентами Академии и нападали на них письменно и словесно; и являли себя им преслушными, как то явствует из Делилевых писем и из Миллерова удержания книг, до Сибирской экспедиции надлежащих...; сверх того имели опасные намерения, старались оба нарушить порядок в Академии: Делиль увещевает одного из своих товарищей Канцелярии не покоряться, а Миллер другого беспокойного человека подкрепляет в превратных и, может быть, в опасных предприятиях, как то довольно явствует из писанных к Миллеру от Крузиуса билъетов и из переписки с доктором Гmeliным» [8. С. 182]. «Билъетами» «от Крузиуса» (во время событий 1745–1747 гг. адъюнкты Петербургской Академии наук) авторы документа называют письма (записки) профессора, которые последний посылал Миллеру и которые в числе других бумаг попали в руки членов следственной комиссии во время обыска. «...При сём случае упомянуть надобно, — сообщалось в том же документе, — что между многими письмами найдены [письма] его приятеля, профессора Крузиуса, который Миллеру так, как другу, открывает, сколь худое мнение и он о новом правлении Академии имеет» [8. С. 180].

Нынешнее дело, заключают авторы документа, подтверждает «их согласие и против академического правления никогда неутолимое негодование». «...Миллер знал довольно, что Делиль поехал отселе с великим неудовольствием о том, что Е.В. изволила в Академию пожаловать такого президента, который в его противных и властолюбивых намерениях препятствовать будет, и, может быть, истяжет и спросит отповеди в прежних его делах...». Следовательно, он, Делиль, «не токмо академического правления, но и самого» президента Академии «злобно ненавидел, а особливо что при отпуске его употреблена была ...надлежащая строгость» [8. С. 183].

Не случайно, следовательно, Делиль не стал открывать действительный маршрут своего движения из России. «Надлежащая строгость», проявленная академическим руководством при его «отпуске», была, очевидно, недвусмысленным предупреждением. Учёный не захотел рисковать. «При отъезде Делилевым, — продолжают авторы документа, — Миллер и сам был недоволен Академией правлением и президентом и посему с Делилем, конечно, имел согласие (следует ссылка на злополучное письмо, послужившее поводом к расследованию). Сиё письмо получа, помянутый Миллер старался утаить [его] всякими мерами, ...ибо оправдания его, для чего он оное письмо тайл, не имеют в себе никакой важности, и лучшее

из них ...никуда негодно...» [8. С. 183]. Поэтому «из сего бесперерывного их согласия, а особливо в неутолимом и всегдашнем негодовании на академическое правление, с великою вероятностию следует, что он, Миллер, с помянутым Делилем, видя, что им уже к их противным и властолюбным предприятиям ...путь пресечён, согласились при отъезде Делилевым сочинить письмо против Академии правления...» [8. С. 183–184]. Следует новая серия аргументов, призванных доказать, что: 1) Миллер «всячески старался укрывать» письмо Делиля и 2) больше дорожить дружбой с ним, «нежели честь Академии и ее президента» хранить [8. С. 184–185]. Примечательно, что среди прочих фигурировал тот аргумент, что на позабывшего «великие благодеяния» француза было «до семи-десять тысяч рублёв истрачено» [8. С. 185].

Автором итогового документа был М. В. Ломоносов, которому, по свидетельству комментаторов десятого тома полного собрания его сочинений, в ходе следствия принадлежала «едва ли не наиболее деятельная роль» [8. С. 635]. В 1764 г., когда создавалась «Краткая история о поведении Академической Канцелярии», учёный иначе смотрел на события 1740-х гг., в том числе — на описанный эпизод [8. С. 279–281]. Однако в период, о котором идёт речь, он, надо признать, сыграл далеко не лучшую свою роль, став (как, впрочем, и другие участники расследования) пособником реакции. По признанию самого Миллера, русский учёный однажды заявил, что никогда не простит ему того, что тот «действовал против него вместе с другими профессорами во время его ссоры с г. Винцгеймом, когда он был ещё адъюнктом...». [11. С. 20]. Надо признать, Ломоносов сдержал слово. Миллер, игравший в том деле главную роль (о чём он «забыл» сообщить), получил, что называется, адекватный «расчёт». Такая метаморфоза в поведении русского учёного (к которому присоединился другой русский учёный — Тредиаковский) свидетельствовала о том, что настоящими выразителями идеалов движения 1745–1747 гг. были не они. Над Миллером нависла смертельная опасность. Что предпринял учёный для своего оправдания, установить невозможно. Помогли, по всей видимости, давние связи Миллера с влиятельным петербургским дворянством, которыми он, как и другие профессора, в разное время обзавёлся. Ломоносов свидетельствовал, что, как историограф, Миллер специально «упражнялся в сочинении родословных таблиц в угождение приватным знатым особам», благодаря чему имел даже «при дворе приятелей» [8. С. 287. 3. С. 311–312, 351–352]. В Академии, конечно, знали об этих связях и

в отношениях с учёным соблюдали осторожность. В отличие от большинства других участников движения Миллер поэтому не понёс сурового наказания.

Однако (если верить А.-Л. Шлёцеру) учёный сам себя наказал. Захваченный грандиозным проектом изучения русской истории, он неосторожно согласился принять русское подданство и навсегда отдал себя в руки своих врагов. О совершённой ошибке Миллер сожалел всю жизнь. Когда у него возникла мысль навсегда остаться в России, сказать трудно. Во всяком случае, не в 1747 г., когда о решении впервые стало известно в Академии. С русской историей Миллер ознакомился рано. Он был первым в России издателем исторических материалов и исследований по русской истории [6. С. 17–185]. Его «Sammlung russischer Geschichte», который А.-Л. Шлёцер называл «классическим» [12. С. 3], появился ещё в 1732 г. Затем Миллер уехал в Сибирь, где пробыл почти десять лет и откуда вывез много новых, нередко совсем неизвестных исторических материалов. Там же он приобрёл, по собственному признанию, необходимый опыт исследовательской работы [2. Т. 6. С. 271].

В августе 1746 г. учёный просит разрешения писать общую историю России и представляет соответствующий план. Он, следовательно, считал себя достаточно подготовленным для выполнения столь ответственного дела, каким являлось написание русской истории. Однако Миллеру не повезло. Он примкнул к движению, поставившему цели, противоречившие общественным устоям России, и жестоко поплатился за это. Академическое руководство, против власти которого учёный вместе с другими профессорами выступил, поставило его перед мучительной альтернативой: либо получить возможность писать русскую историю (необходимым условием чего являлось принятие российского подданства и отказ от возвращения на родину), либо сохранить за собой права свободного иностранца, но при этом навсегда отказаться от занятий русской историей. Беспрецедентное решение оправдывалось ссылкой на то, что изучение русской истории сопряжено с государственными тайнами, которыми учёному, как иностранцу, неизбежно пришлось бы овладеть [2. Т. 8. С. 595].

Нажим на учёного, от которого потребовали перехода в русское подданство, начался уже в ноябре 1747 г. Именно в это время появилось президентское решение относительно Миллера и его новой должности [2. Т. 8. С. 587–588]. Учёному предложили высокое жалованье – 1 200 рублей в

год – и обещали выплатить по 200 рублей компенсации за каждый год пребывания в Сибири. Обещана была также награда за заслуги: либо прибавка к жалованью, либо единовременная денежная премия, либо чин. Жене и детям профессора, в случае его смерти, предоставлялось право свободного выбора подданства и места жительства [2. Т. 8. С. 595].

Любопытен ответ Миллера, составленный как только ученый узнал о предложении. Он датирован 6 ноября. «...Я, – писал в нём Миллер, – уже давно то намерение воспринял, ежели в России мои услуги будут приятны и я по достоинству буду пожалован, чтоб никогда российской службы не покидать. Я же, по долговременной здешней службе уже к здешним обрядам привык, и, может быть, иному государству не так полезные мои услуги будут, как Российскому, потому что я наиболее трудился в таких науках, которые особливо токмо России в пользу». Одно только меня беспокоит: «...буду ли я по моим заслугам так пожалован, чтоб я здесь по смерть свою мог жить с удовольствием», ибо «такое обязательство между учёными людьми не обычай, и я бы был первый во всём свете, кто бы оное на себя дал» [2. Т. 8. С. 588–589]. Как видим, шеф академической Канцелярии не ошибся, предлагая Миллеру материальный достаток и положение в обществе в обмен на личную свободу. Страсть к титулам и богатству не была чужда немецкому учёному. Уже на закате жизни, в возрасте примерно шестидесяти лет, отдавший всю свою жизнь историческому исследованию и просветительской работе Миллер неожиданно обнаружил в себе тягу к администрированию и просил одного из своих высокопоставленных патронов хлопотать перед императрицей о назначении его «в воронежские губернаторы» [3. Т. 1. С. 393].

«В других государствах, — продолжает учёный, — и природных подданных к тому не принуждают, ведая, что от принуждения в науках ничего доброго не воспоследует». Если бы то, что приказывается мне, одинаково распространялось на всех иностранных профессоров, «то бы не было мне о чём печалиться: я делал бы [то], что другие делают, и остался бы без порекания; а ныне я должен за особое моё несчастье почесть, что сие требование токмо мне одному чинится. Должность историографа, к которой я объявил себя готовым, ни в котором государстве не признается за толь важную, чтоб для неё такое обязательство от кого потребовать, и я оную на себя принять не желаю, ежели сиятельный граф, господин президент, не изволит оное мне поверить так, как в

других государствах между учёными людьми обычай» [2. Т. 8. С. 589].

Принятие российского подданства как необходимое условие работы над русской историей Миллеру, таким образом, откровенно навязывалось. Учёный начал колебаться. Он прожил в России двадцать два года и успел, по собственному признанию, свыкнуться с её обычаями; он нашёл дело, которому готов был посвятить жизнь и которым – он отдавал себе отчёт в этом – успешно можно было заниматься только в России; он собрал огромный фактический материал по русской истории, который ещё только предстояло ввести в научный оборот и который – он знал это – с нетерпением ожидают на Западе; он изучил современный и древний русские языки, овладел греческим, знал европейские; он прошёл хорошую историческую подготовку у Г.-З. Байера и много занимался вопросами методики и методологии исторического исследования самостоятельно; он, наконец, приступил к работе практически, составив детальный план изучения русской истории. И что же – от всего теперь надо было отказаться? Драма учёного заключалась в том, что, в отличие от других, он должен был заплатить за участие в событиях 1745–1747 гг. самую высокую цену. Этой ценой была личная свобода. Учёный и патриот своего отечества, свободный гражданин и карьерист боролись в Миллере. Мучительная душевная пытка, придуманная для него шефом академической Канцелярии (который, по всей видимости, не находил иного способа наказать обидчика), острой болью вошла в сердце учёного, навсегда ожесточив его против Шумахера. М.В. Ломоносов, впрочем, определял эту перемену как охлаждение [8. С. 283].

Отказавшись принять должность историографа на условиях, предложенных академической администрацией, и настаивая на том, чтобы ему «оное ...поверить так, как в других государствах ...обычай», Миллер со своей стороны потребовал «милостивых награждений» уже за одно то, что он вообще соглашается взяться за дело. Только «сиё, – имея в виду «награждения», заявлял он, – может то делать, чтоб здешнюю службу всем иностранных государств службам предпочитать; тем я и к всяким делам более буду способен, нежели чтоб письменным обязательством мысли мои, весьма сомнительные, ещё более в сомнение привести» [2. Т. 8. С. 589]. Вместе с условием навсегда остаться в России учёный отметал требование никогда не покидать академическую службу, также содержавшееся в проекте предложенного ему договора [2. Т. 8. С. 589]. Очевидно, Разумовский

имел в виду Миллера, когда в заключительном отчёте о событиях 1745–1747 гг. писал: «Я между профессорами многими ничего иного не усматриваю, как желание одно: стараться всегда о прибавке своего жалования, получать разными путями ранги великие, ничего за то не делать и не быть ни у кого в команде, а делать собою, что кому вздумается, под тем прикрытием, что науки не терпят принуждения, но любят свободу» [2. Т. 8. С. 678]. Наряду с отказом подчиниться требованиям академической администрации, учёный попутно затронул темы оплаты труда представителей его цеха и «свободности» наук [2. Т. 8. С. 589, 590, 590–591].

Твёрдость позиции учёного в вопросе о новой работе только добавила раздражения академической администрации. 10 ноября от Миллера потребовали подписания контракта в ультимативной форме, с неперенным условием «из Российского государства не выезжать по смерти ...и академической службы не оставить» [2. Т. 8. С. 595–596]. Очевидно, учёного пытались сломить и заставить против воли принять условия, от которых он отказывался. Миллер, нападал на него Шумахер, «для других причин тоё учинить отказывается» [2. Т. 8. С. 597], и советовал проявить твёрдость в отношениях с несговорчивым профессором. В частности, предлагалось не давать Миллеру звание историографа до тех пор, пока он не согласится навсегда остаться в России, заключить с ним такой же контракт, как с Гмелином (имелись в виду пункты, требовавшие безоговорочного подчинения академической Канцелярии и сохранения тайны в отношении всего, что касалось Камчатской экспедиции), с тем, однако, добавлением, чтобы он читал лекции (чего Миллер во всю свою жизнь делать не любил, отдавая предпочтение исследовательской работе), а также запретить ему – пока «сибирских дел» не окончит – всякую работу над общей историей России (которой учёный втайне от академической Канцелярии продолжал заниматься) [2. Т. 8. С. 597].

Что предприняла академическая администрация для того, чтобы заставить учёного принять кабальные условия, как реагировал на это Миллер – неизвестно. Известно лишь, что дело имело прозаическое окончание: 20 ноября учёный подписал ненавистный контракт на условиях, выставленных академической администрацией, и, таким образом, навсегда лишил себя возможности уехать из России. «Я..., нижеподписавшийся, – читаем в документе, – сим обязуюсь, что по смерти мою службы Её И В не покину и в силе заключённого со мною в канцелярии академии наук контракта

(текст которого предшествовал данному обязательству) [2. Т. 8. С. 607–609] и определения поступать и быть в академической службе должен, а притом сие обязательство не иначе, как только собственно до меня одного, а не моей фамилии, то есть жены и детей, касающееся разумеется. Во уверение чего подписуюсь своеручно Герард Фридрих Миллер» [2. Т. 8. С. 609]. Сенатский указ, окончательно закреплявший переход Миллера в российское подданство, появился, однако, только 23 апреля 1750 г. [2. Т. 10. С. 384]. Вместе со свободой выезда из России учёный терял часть жалованья: вместо обещанных ранее 1 200 рублей он соглашался на 1 000 [2. Т. 8. С. 608]. Недостающие 200 рублей пошли, видимо, в счёт доплаты, обещанной ему за годы, проведённые в Сибири. Что заставило Миллера сдаться, сказать трудно. Был ли у Миллера иной выбор в той ситуации? А.-Л. Шлёцер утверждает, что был и что о своём решении Миллер сожалел как о совершённой ошибке. «Вследствие ...формального обязательства, – рассказывал он об этом эпизоде жизни немецкого учёного, – он позволил связать себе руки и этим самым предал себя своим врагам и лишил себя единственного спасительного средства от их преследования – отставки» [12. С. 76].

Свидетельству Шлёцера можно верить: Миллер, действительно, слишком поспешно отдал себя в руки академической администрации, которая не преминула этим воспользоваться. Уже в следующем году несчастья одно за другим стали валиться на голову учёного. В июне 1748 г. в Академии стало известно, что кто-то из профессоров в обход президентского распоряжения, запрещавшего сообщать за границу сведения «о академических обстоятельствах и ...делах», поддерживает запретные связи с Западом [2. Т. 9. С. 273–274]. Имени Миллера при этом произнесено не было, однако всем стало ясно, что подозрение пало на него, добровольного узника, пытавшегося теперь компенсировать потерю личной свободы расширением контактов с Западом посредством переписки. По всей видимости, это были именно те «приятельские письма», о которых упоминал М.В. Ломоносов и которые, по утверждению последнего, повлияли на решение Гмелина не возвращаться в Петербург.

А спустя несколько месяцев после очередного скандала с утечкой информации об «академических обстоятельствах и ...делах» подоспело самое дело Гмелина, который в Россию «ехать совсем отказался» [2. Т. 9. С. 431]. И вновь в случившемся стали обвинять Миллера. Если последнее соответствует действительности, если Миллер дейст-

вительно сначала помог Гмелину бежать из России, а затем – воздержаться от возвращения, то такой его поступок следует признать в высшей степени смелым и достойным уважения. Учёный, конечно же, рисковал, однако не изменил дружбе и идеалам движения. Участие Миллера в организации побега Гмелина из России, равно как и последующее участие в его судьбе, – одно из наиболее ярких проявлений солидарности учёных – участников событий 1745–1747 гг. От дела Гмелина огонь преследований перекинулся на дело Делиля, о котором выше также рассказывалось. Миллер (которому инкриминировали тайный сговор с «главным поносителем императорской академии», а также то, что он позволил Делилю «упустить из государства») вновь оказался в критическом положении. Академическая администрация негодовала и выражала надежду, что «он, Миллер, придёт в чувство и свои худые намерения отменит» [2. Т. 9. С. 556–557].

Описанные несчастья выпали на долю Миллера в 1748 г. А в следующем, 1749-м, году разгорелась нашумевшая дискуссия по вопросу о происхождении русского народа, имевшая самые печальные последствия для учёного. Не касаясь научной стороны спора — она изучена достаточно полно [13. С. 117–124; 14. С. 111–122; 15. С. 144–159; 16. С. 39–48; 17. С. 105–116; 18. С. 21–35 и др.], хочу обратить внимание на другой, ненаучный, точнее – околонуточный, её аспект, на который обращается внимания меньше, но который позволяет существенно уточнить и дополнить общую оценку Миллера как борца за права учёных. Вспомним обстановку, окружавшую учёного. С одной стороны, он только что пережил мучительную внутреннюю драму, связанную с утратой возможности вернуться на родину, с другой – стал объектом изощрённых нападок. Один из лидеров движения 1745–1747 гг. Миллер уже по одной этой причине всегда давал повод думать о себе как об опасном «возмутителе Академии». События 1747 и 1748 гг. укрепили академическое руководство в этом мнении. Учёный находился под несусыпным административным контролем и вынужден был скрывать свои мысли и действия. Всё это ожесточило его, сделало мнительным и раздражённым. Он перессорился с профессорами, связанными с ним дружбой и совместной борьбой против академической бюрократии, стал недоверчивым и малообщительным, старался держаться в стороне от отравленной академической атмосферы. История с дискуссией о происхождении русского народа пришлась как раз на этот непростой период.

Неблагоприятной была не только общая ситуация в Академии; неблагоприятным было общественное мнение, созданное академическим руководством вокруг имени Миллера. Он, свидетельствовал Разумовский, «не тобою канцелярии, но и мне самому чинит недельными своими вымышлениями предосудительство и затруднения...» [2. Т. 10. С. 585]. Не удивительно поэтому, что результаты дискуссии имели такие негативные последствия для учёного. Миллер был жестоко наказан. Наказан не за научные ошибки, которых в исследовательской практике избежать невозможно. В этой связи не потерял актуальности вопрос: являлась ли концепция, представленная учёным, результатом научных ошибок (как утверждают одни) или тенденциозного подхода (как утверждают другие)? Полагаю, он остаётся открытым. Нельзя исключить того, что Миллер сознательно (так утверждал М.В. Ломоносов) выстраивал концепцию на дискредитацию русского народа, быть недовольным властями которого у него имелось достаточно оснований. Но он был виноват уже потому, что академическое начальство хотело видеть его виноватым. Бросается в глаза абсурдность решения, принятого по «делу» Миллера. Учёного наказали за то, что он ...учёный. Как ни пытался Миллер объяснить своим оппонентам, что дискуссия носит научный характер, его не слышали. В результате учёного осудили за то, что он имел собственную, отличную от других, точку зрения. Участие в научной дискуссии обернулось, таким образом, далеко не научным финалом [3. Т. 1. С. LXVI]. Подобный поворот событий трудно было предусмотреть. Быть учёным в России становилось небезопасно.

Не случаен, далее, шум, поднятый вокруг этой, в общем-то заурядной, истории – учреждение специальной комиссии по расследованию, назначение в неё особо доверенных лиц – профессоров Тредиаковского и Ломоносова и адъюнктов Крашенинникова и Попова. Первое, несомненно, было затеяно с расчётом подчеркнуть важность «преступления», совершённого строптивым профессором. Второе преследовало цель отдать решение вопроса о виновности или невиновности учёного в ангажированные руки. Миллер имел неосторожность двусмысленно отозваться о русском народе – пусть его судьбу решают «природные» россияне. Очевидно, что в данном случае академическая администрация манипулировала патриотизмом членов следственной комиссии, на что Миллер справедливо указывал. Канцелярия, заявил он, «диссертацию его дала следовать тем только членам, которые ему противны» [2. Т. 10. С. 132]. На-

конец, имеются прямые свидетельства того, что учёный стал жертвой закулисных интриг академического руководства.

Узнав о том, что диссертация Миллера задержана и на публичном торжестве слушаться не будет (чтение её, как и чтение «Похвального слова» Ломоносова, с которым она по иронии судьбы была переплетена в одну книгу [2. Т. 10. С. 112], было приурочено ко дню восшествия на престол императрицы Елизаветы), шеф академической Канцелярии сообщал Г.Н. Теплову: «...Он хотел умничать! *Nabeat sibi!* – дорого он заплатит за своё тщеславие» [Цит. по: 11. С. 52]. Нет сомнений в том, что разжалование Миллера в адъюнкты явилось конкретным воплощением этой угрозы. Вот почему он потребовал обсудить свой труд «всем Академическим собранием» [8. С. 288]. Он не просто не верил в компетентность оппонентов (химик Ломоносов, филолог Тредиаковский, ботаник Крашенинников, астроном Попов), заявляя, что «ему никакой критики никто не показал...» [2. Т. 10. С. 134], но и ясно понимал, что акция с исследованием его сочинения вдохновляется и направляется его тайными и явными недоброжелателями, окопавшимися в академическом руководстве и вокруг него.

Учёный тяжело переживал и даже, как свидетельствовала академическая администрация, заболел [2. Т. 10. С. 162]. Горькое, что и говорить, время наступило для Миллера! Он лишился профессорских прав и должен был выполнять работу, которая ранее возлагалась на помощников. Ему стыдно было появляться в заседаниях Конференции (где он, согласно заведённому порядку, теперь должен был садиться *позади* профессоров). Он рассчитывал на «милостивые награждения» за службу, а вместо этого должен был довольствоваться скромным жалованьем в 360 рублей. Он являлся старейшим членом Академии, участником знаменитой Камчатской экспедиции, ему, наконец, было 45 лет – возраст, с которым нельзя было не считаться, – всё было забыто и перечёркнуто. Дело дошло до абсурда – под сомнение была поставлена самая необходимость участия учёного в Камчатской экспедиции. «Когда я вступил в правление академии, — заявлял Разумовский, — то усмотрел, что его, Миллерово, путешествие в Сибирь совсем было с интересом Её И В ...не сходно...». Оказывается, профессор должен был «в Камчатку сам ехать», а он «не ездил», притворившись больным и отправив туда «только русского студента». Истратив «напрасно» немало средств, он «оттуда ничего иного не привёз, кроме ...копий с грамот, летописцев и других канце-

лярских дел... А оное самым бы малым иждивением можно было получить ч[е]рез указы правительствующего сената, не посылая его, Миллера, на толь великом жалованье содержащегося» [2. Т. 10. С. 582]. Не об этом ли времени вспоминал Миллер, когда в 1757 г. писал о приключившейся с ним ранее «ипохондрической болезни» [19. С. 328]? Для человека, лишившего себя возможности покинуть Россию, такой удар мог иметь и более серьёзные последствия.

И всё же учёный, кажется, легко отделался. Ж.-Н. Делиль рассказывал, что член французской Академии надписей Н. Фрере, публично выступивший в начале XVIII в. с утверждением о происхождении французского народа от германского племени франков, по требованию аудитории прямо из зала заседания был препровождён в Бастилию [20. С. 39]. Таким образом, «российскому Фрере» – Миллеру – относительно повезло: он не угодил в Петропавловскую крепость. Опять же отважному исследователю русской истории не повезло в другом: его «друг» и «согласник», поведавший о печальной истории, – профессор Делиль – покинул Россию раньше, чем случилась «история» с Миллером. Он, следовательно, не успел предостеречь Миллера от опрометчивого шага.

Сохранился документ – распоряжение Разумовского, – хорошо передающий состояние, в котором находился учёный. «Он..., Миллер, – говорится в нём, – ссылается на контракт свой, что ему то должно делать, к чему он обязался, а то от него отнято». Смысл этой фразы следовало понимать так, что теперь – дело происходило в сентябре–октябре 1750 г. – Миллер уже не профессор, с которым был заключён контракт, а только адъюнкт, следовательно, не может требовать того, что было оговорено в контракте. Он, вероятно, «забыл, что он в вечном подданстве Её И[мператорского] В[еличества] остался, и в таком случае уже не на контракт смотреть надлежит, но того только слушать надобно, что от команды исполнять приказано ему будет. Однако он тому всему ослушен и вместо других дел, кои бы ему по контракту исполнять следовало, в университете лекции читать поныне не принимался и совсем упрямится, и всю свою бытность в единых только ссорах недельных и несогласиях по корпусу академическому препроводит и тем у себя и у своих товарищей каждого должность отправлять мешает и делает по канцелярии напрасные затруднительства» [2. Т. 10. С. 584]. Учёный не сдавался даже в безнадежно проигранной ситуации!

Академическая администрация не оставляла в покое Миллера до конца его пребывания в Акаде-

мии, пока, наконец, уставший от борьбы учёный не покинул Петербург и не переехал в Москву. Прямой и независимый характер Миллера мешал, и она делала всё для того, чтобы превратить его жизнь в одну мучительную пытку. Шлёцер, который встретился с Миллером в Петербурге в начале 1760-х гг., застал учёного «подавленным» и «запуганным», но не сломленным. «В его образе мыслей, – вспоминал он, – было что-то великое, правдивое, благородное. В отношении достоинства России, которая им до сих пор очень пренебрегала, он был горячий патриот...» [12. С. 26].

Как и к другим профессорам Петербургской Академии наук – участникам корпоративного движения 1745–1747 гг., – к Г.-Ф. Миллеру термин «подданный» применим лишь условно. Учёный в настоящем смысле этого слова ощущал себя гражданином – человеком, права и обязанности которого определяются договорными отношениями с обществом и государством. Сознание ответственности за дело, которое он (вместе с другими участниками движения) представлял, толкало учёного на постоянные конфликты с властями, в которых он (опять же, как и его соратники по борьбе за демократические свободы в Академии) видел главное препятствие на пути свободного развития наук. Эти конфликты сопровождали Миллера всю жизнь, закрепив за ним «славу» дежурного «возмутителя спокойствия в Академии» (выражение М.В. Ломоносова). В основании конфликтов лежало развитое гражданское самосознание учёного, не находившего в стране, которую он, наряду с другими иностранными участниками движения, избрал местом своей работы, адекватного понимания проблем науки и её представителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турнаев В.И. У истоков демократических традиций в российской науке. Очерки истории русско-немецких научных связей. Новосибирск: Наука, 2003. 200 с.
2. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885–1900. Т. 1–10.
3. Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: Отд-ние русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1870. 774 с.
4. Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten für das Russlandbild des 18. Jahrhunderts: Phil. Diss. Brl., 1959 (Maschinentext). 302 S.
5. Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Verlag Peter Lang, 2005. 393 S.

6. Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.-Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 286 с.
7. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 211 с.
8. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 10. 934 с.
9. *Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers. Teil II. Briefwechsel L. Eulers mit Nartov, Rasumovskij, Schumacher, Teplov und der Petersburger Akademie 1730–1763.* / Unter Mitwirk. v. P. Hoffmann, T. N. Klado u. Ju. Ch. Kopelevič. Brl.: Akademie-Verlag, 1961. 463 S.
10. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург (ПФА РАН). Ф. 21. Оп. 1. Д. 18.
11. Пекарский П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. VIII. Приложение № 7. С. 1–119.
12. *Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе* / Пер. с нем. с примечаниями и приложениями В. Кеневича // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. 13. 531 с.
13. Алпатов М.А. Неутомимый труженик. О научной деятельности академика Г.-Ф. Миллера // Вестник АН СССР. 1982. № 3. С. 117–124.
14. Белковец Л.П. Г.-Ф. Миллер в оценке отечественной историографии // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 111–122.
15. Каменский А.Б. Академик Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // История СССР. 1989. № 1. С. 144–159.
16. Каменский А.Б. Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов. Сб. ст. и мат-лов IX. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1991. С. 39–48.
17. Шольц Б. Немецко-российская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской Академии // Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур. М.: Наука, 2000. С. 105–116.
18. Фомин В.В. Ломоносов и Миллер: уроки полемики // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 21–35.
19. Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1865. 817 с.
20. Невская Н.И. Байер и астрономия стран Востока // Из истории Петербургской Академии наук. СПб.: Изд-во ПИЯФ РАН, 1996. С. 38–45.